

* * *

У светлого окна лимонно-звонкий кенар
свистит о том, что мир летит не под откос,
а ввысь. Скулит сквозняк – больного марта тенор.
Его бы в дом пустить, но внутренний завхоз

жалеет сна и сил на открывание рамы.
Уволить навсегда со всем его нытьём.
И спрятав в масло мыслей лезвие Оккама,
придумать что-нибудь бессмысленное днём.

Прогулку в стылый лес с плутанием меж сосен,
стряпню на целый полк для скромных едоков.
Да мало ли забав, где вынужденно-сносен
становится любой из праведных грехов...

Стемнеет. Сутки прочь укатятся неспешно,
размеренною жизнью кухонной шурша.
Закроются глаза, и в темноте крошечной
немедленно взлетит влюблённая душа –
смотреть на этот мир – печальный и потешный.

* * *

Солнечный заяц и лунный волк
встретились перед сном.
Заяц заплакал, и волк умолк,
а за моим окном

зреют прогнозы погод на май.
И непогод на мир.
Трудно бывает смотреть за край,
легче – шагнуть. Факир

трезв как стекло и удачлив, гад.
Цирк превратил в гипноз.
Кто-то сидит, как ему велят.
Кто-то идёт. Вразнос.

Мы не примкнём ни к кому из них.
Будем летать. Сейчас.
Гнёзд у кукушки, что выходных
в календаре у нас.

* * *

Выцветший город молчит войной.
Сдвинут броня к броне
серых эсминцев застывший строй –
глыбы на глубине

ждут, когда невских мостов замки,
скрипнув, отпустят их.
Мной обеззвучены все звонки,
чтобы беспечно тих

вышел проход по дворам сырым
за миражами дня.
Белое облако словно дым
солнечного огня

в западных окнах.
Запутан путь из лабиринта. Блеск
луж металлических – утонуть
тенью и выйти без...

Душно. Ворчит голубей толпа.
Шаг – и сорвётся влёт,
но замирает моя стопа,
чтобы шагнуть вперёд

через секунду, под крыльев хор,
к свету в конце тонне...
...see you – мне скажет последний двор.
Тёплое каберне

скатерть небесную красит. Гнев
утренний весь иссяк.
Руки таксистов висят, замлев,
как языки собак.

* * *

Светлое время северных суток
не признаёт часов.
Тянет летать усталый рассудок
жаворонков и сов.

Тянет туда, где всё исполнимо,
где прощена вина.
Бубен трамвая, мчащего мимо,
вглубь тишины – до дна,

сыплется звоном тише и тише,
по позвонкам звеня.
Трепет и трёп вчерашней афиши,
свежая близость дня,

запах сирени масляно-сладкий,
сдавленный скрип песка...
С мира рассветного взятки гладки,
пусть себе спит пока

мы не отыщем новой затеи,
общей и непростой.
Вот и скворцы уже загалдели,
необратимость новой недели
пряча в листве густой.

* * *

Мой сын научил меня петь во сне –
мурлычу без задних нот и ног,
а наутро не вспомнить мне
мелодий ночных полёт.

Надежда одна – он запомнит всё.
Споёт мне мои же сны
однажды, и это меня спасёт
от чувства своей вины

за слабость, усталость и всё подряд,
что можно назвать хандрой.
За горы сомнений и слёз моря,
и жалость к себе порой.

Об этом я тоже ему спою
сегодня, когда усну.
И как бы он ни был наивен, юн,
постигнет, поймёт, блеснует

улыбкой, молочной как звёздный путь,
что начат был год назад.
Всё в этом – и сахар, и соль, и суть, –
пою я, закрыв глаза...